

художественному кружевоплетению вошла терминология не только из области коклюшечного кружева, в них есть статьи по игольному кружеву, ленточному кружеву, фриволите, макраме, кружеву, вязанному на спицах и крючком, вышивке по тюлю, так как в европейских иностранных языках эта терминология связана с предметной областью кружевоплетения. Объем словника в двуязычных словарях по кружевоплетению составляет около 1500 терминов и терминологических словосочетаний.

На данный момент к изданию готовятся к изданию словари-справочки по художественным лакам и по художественной вышивке. Автор, являясь по специальности филологом и преподавателем немецкого языка в вузе, разрабатывает двуязычные словари, так сам профессионально занимается традиционным прикладным искусством, хорошо разбирается в специфике данных видов искусства, в том числе терминологии. При этом автор словарей имеет профессиональные контакты с российскими зарубежными специалистами в названных областях, которые оказывают необходимую консультационную поддержку.

Подобные двуязычные словари-справочники предназначены для студентов и аспирантов художественных вузов, специалистов в области традиционного прикладного искусства, искусствоведов, музейных работников, переводчиков. Словари могут быть также интересны любителям традиционного прикладного искусства.

Литература

1. Винокурова О.К. Немецко-русский словарь по искусствознанию Издательство: АСТ, 2005. - 411 с.
2. Козырева И.В. Немецко-русский словарь-справочник по искусству М.: Руссо, 2002. - 296 с.
3. Новикова М. В. Немецко-русский словарь-справочник по кружевоплетению / Deutsch-russisches Lexikon der Spitzen. СПб. : ВШНИ, 2013.
4. Новикова М. В. Русско-немецкий словарь-справочник по кружевоплетению / Russisch-deutsches Lexikon der Spitzen. СПб. : ВШНИ, 2013.

References

1. Vinokurova O.K. German-Russian dictionary of art history. Publishing house: АСТ, 2005. – 411 P.
2. Kozireva I.V. German-Russian glossary of art. Moskva: Russo, 2002. – 296 P.
3. Novikova M. V. German-Russian glossary of lacemaking. Saint Petersburg. VSHNI, 2013. – 136 P.
4. Novikova M. V. Russian-German glossary of lacemaking. Saint Petersburg. VSHNI, 2013. – 156 P.

УДК 81'42

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ «СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО» (НА МАТЕРИАЛЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ДЕТСТВА С.Б. БОРИСОВА)

Огнева Елена Анатольевна

доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются социокультурные особенности репрезентации символов Советского детства в энциклопедическом словаре. Выявляются принципы построения словарных статей, описывающих популярные самодельные игрушки и подвижные игры. Определяется диахронический аспект трансформаций в архитектонике социокультурной модели «Советское детство».

Ключевые слова: словарь, словарная статья, моделирование, социокультурные символы, хронемы, проксемы, частотность

SOCIO-CULTURAL MODEL “SOVIET CHILDHOOD” (BASED ON ENCYCLOPEDIA OF RUSSIAN CHILDHOOD BY S.B. BORISOV)

Ogneva, Elena Anatolievna

Doctor of Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia ogneva@bsu.edu.ru

Abstract

The article deals with representation of socio-cultural specific features of Soviet childhood's symbols in The Encyclopedia of Russian childhood. Principles of entries' architectonics describing popular hand-made soviet toys, and outdoor games are presented. The diachronic aspect of transformations in architectonics of Socio-cultural model "Soviet childhood" are identified.

Key words: dictionary, entry, modeling, Socio-cultural symbols, chronemes, proxemes, frequency

В современном языкознании словари как хранители систематизированных данных по различным языковым аспектам уходят из активного научно-исследовательского поля, тем не менее, в значимости не только составления словарей, но и их активного использования в качестве источниковой базы нет никаких сомнений. Как «наука о составлении словарей и само составление словарей как описание лексики языка» [матвеева 176] лексикография, по нашему мнению, имеет достаточный эволюционный потенциал, но темпы всестороннего развития лексикографии значительно снизились по сравнению с предыдущими периодами укрепления её роли в отечественном языкознании. Примечательно, что в исторической ретроспективе, по мнению Ю.А. Дубовского и Т.Б. Заграевской, «содержание понятия, подводимого под этот термин развивалось в направлении от прикладного аспекта этой лингвистической сущности к теоретическому аспекту» [Дубовский, Заграевская 2014, 171].

И.С. Разливанова отмечает тот факт, что «один из сложных вопросов в лексикографии нашего времени – отбор слов и словосочетаний для словаря. Любому читателю хочется, чтобы приобретенный им словарь был полным и охватывал бы все слова данного языка» [Разливанова, 2009], поскольку лексикография – это «разветвлённая области языкознания, опирающаяся на лексикологию и располагающая собственной теорией» [Матвеева 2010, 176].

В соответствии с лексикографической традицией, словари делятся на: лингвистические и энциклопедические. Основопологающей классификацией словарей считается классификация, предложенная Л.В. Щербой и построенная по шести оппозициям: «1. Словарь академического типа – словарь справочник. 2. Энциклопедический словарь – общий словарь. 3. Тезаурус – обычный словарь – толковый – переводной. 4. Обычный словарь – идеологический словарь. 5. Толковый словарь – переводной словарь 6. Неисторический словарь – исторический словарь» [Щерба 1974, 265-304].

И.С. Разливанова подчёркивает роль словаря, акцентируя внимание на том, что «словарь выступает средством отражения и постижения культуры общества, его национальной уникальности» [Разливанова 2009]. Вследствие этого, словарный материал становится сокровищницей для построения различных социокультурных моделей. Под социокультурной моделью нами понимается исследовательский конструкт, представляющий собой совокупность номинантов-лингвокультурем, репрезентирующих культурологическую специфику бытия представителей различных слоёв общества, представителей той или иной страны.

Одним из недостаточно изученных с филологической точки зрения социокультурологических аспектов представляется вопрос языковой и речевой репрезентации символов советского детства, которые для поколения 40+ являются родными и светлыми, в то время как для последующих поколений нашего общества ряд этих символов непонятен, неизвестен и чужд, что приводит к лингвокультурологическому дискурсивному слому в нашем обществе. Этот дискурсивный слом, в виду ускорения процесса обмена информацией, усугубляется, как показывают исследования, уже не с каждым новым поколением, а с приходом каждые десять лет в социум новых его членов.

В свете этого, по нашему мнению, важно проводить всестороннее исследование такого неординарного феномена русской многовековой цивилизации как феномена Советское детство, формировавшегося в течение семидесяти с небольшим лет, поскольку, «особый интерес в России и за её пределами вызывает Советская эпоха как исторический

период, духовное и материальное наследие которого до сих пор актуально» [Сидоренко 2016, 5].

В проводимом нами исследовании символы Советского детства, его языковые и речевые репрезентанты, представлены в виде социокультурной модели «Советское детство».

В статье представляется интересным рассмотреть лексикографическую социокультурную модель «Советское детство», а именно её сегмент «детские игры и игрушки». Отметим, что тема советского детства широко представлена в работе С.Б. Борисова «Энциклопедический словарь русского детства» [Борисов 2008]. Статьи словаря послужили фактологической базой представленной в нашей работе части разрабатываемой лексикографической социокультурной модели «Советское детство».

Прежде всего, отметим, что особенностью словарных статей этого энциклопедического словаря является применение принципа хронологического изложения информации, полученной из художественных или публицистических текстов о тех или иных играх или явлениях русского детства, в частности, советского детства. Подчеркнём тот факт, что С.Б. Борисов делает в словарных статьях многочисленные ссылки на авторов цитируемых текстов, мы же ссылаемся только на автора самого словаря, рассматриваемого в качестве целостной источниковой базы исследования.

В качестве компонентов таксономической модели сегмента «детские игры и игрушки» рассмотрим две словарные статьи о самодельных детских игрушках советского времени: (1) «свистульки из акации, гороха», (2) «рогатка».

Проанализируем словарную статью «Свистулька из акации». «Свистульки из акации, гороха – свистки, изготовленные из стручков акации, гороха» [Борисов 2008, 502]. Словарная статья имеет 4 временных периода.

Первый временной период. О Белоруссии в 1920-х гг. «Со временем, однако, начали появляться у местечковой детворы и действительно игрушки... Девчонкам мамы шили из домашнего хлама всяких куклёнок, медвежат, зайчиков. А мальчишки сами себе что-нибудь придумывали и мастерили... А к концу лета, когда в огородах созрел горох, дворы и улицы оглашались звуками пицалок, сделанных из зелёных стручков. Бывало, зажмешь такую свистульку в зубах, начнешь дуть, и непременно кто-нибудь из взрослых тебя обругает: дескать, уши вянут от такой музыки. Но это уже относится к извечному конфликту поколений» (Гинден, 2006, 29).

В этой части словарной статьи выявлена проксема-топоним – *Белоруссия*, хронема-историзм – *в 1920-х гг.*, лингвокультурема: *куклёнки, медвежата, зайчики, сшитые из домашнего хлама*. Примечательно наличие гендерных различий в игрушках и подходу к их изготовлению, а именно девочкам игрушки шили мамы, а мальчишки сами себе что-нибудь придумывали и мастерили. Во второй части статьи выявлена точеная хронема *к концу лета*, проксема: *в огородах, дворы, улицы*. Подчеркнём тот факт, что в данной словарной статье выявлены: пространственная ядерно-периферийная ось: *Белоруссия ↔ в огородах, дворы, улицы*, временная ядерно-периферийная ось: *в 1920-х гг. ↔ к концу лета*. Также в контексте представлено описание и способ использования игрушки: *пицалки, сделанные из зелёных стручков. Бывало, зажмешь такую свистульку в зубах, начнешь дуть*. Примечательно, что указано на коммуникативные особенности применения этой игрушки: *непременно кто-нибудь из взрослых тебя обругает: дескать, уши вянут от такой музыки. Но это уже относится к извечному конфликту поколений*.

Второй временной период. О нач. 1950-х гг. «Меня рвало, я ничего не ел, исхудал, мать решила – отравился стручками акации, из которых делали свистульки» (Гай, 1987, 92-94). В данном контексте выявлена хронема-историзм *нач. 1950-х гг.*, а также указание на материал изготовления игрушки-свистульки, и коммуникативные особенности применения этой игрушки *мать решила – отравился стручками акации*.

Третий временной период. О 1960-х гг. «Мне вдруг показалось, что это Саня Круглов, мальчишка, с которым мы вместе учились в Сибири, он ещё показал мне, как

делать классные свистульки из акации» (Вольф, 1971, 69). В данном контексте выявлена хронема-историзм 1960-х гг., проксема – в Сибири, коммуникативные особенности применения этой игрушки: мальчишка показал мне, как делать классные свистульки из акации.

Четвёртый временной период. О селе Трусилово Шумихинского р-на в перв. пол. 1990-х гг. *«В детстве из стручков акации мы делали “свистульки”. Убирали из них горошины, слаживали две половинки стручка обратно, отрывали (откусывали) одну сторону, т.е. укорачивали стручок. Зажимая между губ, дули в получившееся отверстие, раздавался очень звонкий свист» [Борисов 2008, 502].*

Выявлена проксема-топоним село Трусилово Шумихинского р-на, хронема-историзм в перв. пол. 1990-х гг. Также детальное описание процесса изготовления самодельной игрушки: (1) убирали из них горошины, (2) слаживали две половинки стручка обратно, (3) отрывали (откусывали) одну сторону, т.е. укорачивали стручок и процесс применения игрушки: (1) зажимая между губ, (2) дули в получившееся отверстие, (3) раздавался очень звонкий свист.

Анализ четырёх контекстов словарной статьи «Свистульки из акации, гороха» выявил, во-первых, наличие хронемы-историзма в описании каждого временного периода, что говорит о диахронической устойчивости этого компонента модели, во-вторых, высокую частотность проксем, указывающих в какой части нашей страны материли и играли игрушкой в тот или иной период, в-третьих, высокую частотность описания коммуникативных особенностей применения этой игрушки.

Следующая самодельная игрушка *рогатка* – «деревянная развилка с привязанной к её концам резинкой для метания» [Борисов 2008, 471-472]. Примечательно, что в словарной статье описано о рогатке в течение каждых десяти лет за период с 1990 до 1960. Поскольку статья очень объёмная, около 10 тыс.заков, то мы рассмотрим в каждом периоде из Советской эпохи по одному контексту. Подчеркнём, что в данной словарной статье есть три контекста об этой самодельной игрушке в период существования Российской империи, но эти контексты вне анализируемой нами эпохи, состоящей из пяти периодов.

Первый временной период. Рогатки в 1920-е гг. О школьников в конце 1920-х гг. *«А вот уж когда Миронов выдернет свою рогатку из кармана жар-жакета, все останавливаются и смотрят. Миронов ловко натягивает резинку. Камень летит у него, как пуля. Без промаха бьёт. В провод ударит – на всю улицу гудит гул. В собаку пальнёт – с визгом шарахнется в подворотню собака. Случалось Миронову с стёкла в домах выбивать. И вдруг маленький Киссель нацелился и пальнул в фонарь из рогатки» (Будогоская, [1929] 1988, 87-89). В контексте выявлена хронема-историзм конце 1920-х гг., детальное описание виртуозного владения рогаткой, репрезентирующее картину нелёгкого детства в двадцатые годы.*

Второй временной период. Рогатки в 1930-е гг. О начале 1930-х гг. *«Долго мы лежим на увале и говорим о всяких мальчишеских делах. Например, о том, где достать резины на рогатки. Желательно бы красной» (Соболев, 1964, 38). Выявлена хронема-историзм начало 1930-х гг., проксема на увале и наименование материала для изготовления рогатки – красная резина.*

Третий временной период. Рогатки в 1940-е гг. О 1947 годе. *«Мальчик вернулся к письменному столу и запихнул тетрадь в самый низ ящика. Рука при этом наткнулась на какой-то предмет, таившийся в углу. Это оказалась рогатка. Растопырка из обрубка веток, с тщательно примотанной проволоками тугой резиной. Оружие для стрельбы камешками образца приблизительно сорок седьмого года. Мальчик вертел в руках рогатку, натягивал и отпускал с легким щелчком резиновую тетиву» (Дробиз, 2004).*

Прежде всего, подчеркнём тот факт, что о рогатках 40-х годов в рассматриваемой словарной статье выявлено шесть контекстов. Это явление низкочастотно для

рассматриваемого словаря. В исследуемом контекста присутствует хронема-историзм *о 1947 годе*. Дано детальное описание самодельной игрушки.

Четвёртый временной период. Рогатки в 1950-е гг. О 1950-х гг. «Он выторговал рогатку. Знатное было оружие. Сделал я её из красной резины, которую украдкой отрезал от материнных литых галош» (Акулинин, 1985, 153). Выявлено три контекста, характеризующих описание самодельной игрушки данного временного периода. В исследуемом контексте есть хронема-историзм *о 1950-х гг.*; описание процесса изготовления игрушки и описание источника появления игрушки *выторговал рогатку*, что весьма примечательно.

Пятый временной период. Рогатки в 1960-е гг. О начале 1960-х гг. «За столом сидел наш директор. Он сказал: “Сдавай оружие!” И мы все по очереди сдавали оружие. На столе, кроме пистолетов, оказались две рогатки и трубка для стрельбы горохом» (Драгунский, 1964, 16). В рассматриваемом периоде выявлено шесть контекстов о самодельной игрушке. В приведённом контексте есть хронема-историзм *о начале 1960-х гг.* и перечень игрушек мальчишек рассматриваемого периода.

Таким образом, словарная статья «рогатка» состоит из семи временных периодов, пять из которых входят в состав модели «Советское детство» и состоят из семнадцати контекстов. В каждом контексте выявлена хронема-историзм. Также среди проанализированных контекстов превалирует описание изготовления и применения этой самодельной игрушки.

В целом, рассмотрение словарных статей о двух самодельных игрушках советского периода, о свистульке и о рогатке, показывает, во-первых, эти игрушки перешли в советское детство из русского детства; во-вторых, в описание обязательно наличие хронем-историзмов, в-третьих, наличие детального описания процесса изготовления и применения этих самодельных игрушек.

Далее рассмотрим словарную статью о детской игре Советского периода.

Детская игра «Колечко» – детская игра с прятанием в ладони одного из участников «колечка» [Борисов 2008, 192-193]. В данной словарной статье изложена информация об игре в течение двух периодов.

Первый временной период. 80-е годы. В данном периоде выявлено четыре контекста. Рассмотрим один из них. «*О вт. пол. 1980-х гг. в дер. Портнягино Шатровского р-на: Игроки садились на лавочку, а водящий (выбирали по считалочке) брал в руки колечко или какой-то другой предмет. Игроки протягивали руки вперёд и ладошки соединяли. Водящий вкладывал колечко в свои ладошки, вводил их в ладошки других игроков и незаметно у кого-то оставлял. А потом говорил: “Колечко, колечко, выйди на крылечко”. Игрок выходил и становился водящим.*»

В рассматриваемом контексте выявлена хронема-историзм *вт. пол. 1980-х гг.*, проксема-топоним *дер. Портнягино Шатровского р-на*, детальное описание правил игры именно в Шатровском районе, формат описания представляет собой когнитивную сцену, тогда как описание этой же игры «колечко», но в другой временной период и в другой местности представляет собой когнитивную сцену, состоящую из трёх субсцен: «передача колечка», «отгадывание числа», «одевание».

Второй временной период. О Шадринске в 1990-1991 гг. «Ещё одна веселая игра называлась “Колечко”. Выбирался ведущий. В ладонях у него было зажато колечко. Все остальные сидят в ряд с вытянутыми руками, соединенными в ладонях в форме лодочки. Ведущий проводит руками между ладоней каждого, как будто незаметно вкладывает колечко, но на самом деле колечко он оставляет только кому-то одному. Остальные внимательно следят за действиями ведущего и пытаются определить, у кого осталось колечко, потом ведущий кричит: “Колечко, колечко, выйди на крылечко!” Тот, у кого колечко, выбегает, а другие должны его задержать. Если они задержали его, то ведущий снова повторяет процедуру передачи колечка, но уже кому-то другому. А если этот игрок успел добежать до ведущего, то они вместе загадывают какое-либо число.

Возвращаясь, они называют, в каких параметрах оно находится. Например, от 1 до 30; от 30 до 100 и т. д. Остальные игроки отгадывают, называя по очереди предлагаемые числа. Если названное игроком число больше задуманного, то один из ведущих говорит: “Меньше”. И наоборот, если игрок называет число меньше задуманного, ведущие говорят: “Больше”. Если игроки называют предыдущее и последующее задуманного числа, ведущие объявляют: “Окружили” и уходят загадывать другое число. После того, как кто-то отгадал заданное число, он начинает “одеваться”. То есть все представляют, что они сидят голые, и отгадавший заказывает себе какую-нибудь деталь одежды, начиная с белья. Но он должен успеть крикнуть: “Без юмора и без брака”. Иначе ведущие могут придумать одежду немыслимой формы, с дырками, вырезами и т. д. Затем ведущие загадывают одежду. Каждый свой вариант и рассказывают их отгадавшему число игроку. Он выбирает наиболее понравившийся ему вариант. И с тем ведущим, который придумал ему одежду, они уходят и задумывают снова число. Игра повторяется снова и снова. Все участники постепенно одеваются, отгадывают числа, задуманные ведущими, и сами в результате чего становятся ведущими, которые постоянно меняются. Победившим считается тот, кто быстрее оденется, набрав обговоренный заранее комплект одежды».

В рассматриваемом контексте, как отмечено выше, выявлены три когнитивные субсцены, детально описывающие правила игры, а также хронема-историзм в 1990-1991 гг. и проксема-топоним *Шадринск*.

Примечательно, что в словарной статье выявлено также и третье описание игры, в составе которого есть хронема-историзм в 1995-1996 гг. и проксема-топоним г. *Лянторе Сургутского р-на*.

О г. Лянторе Сургутского р-на Тюменской обл. в 1995-1996 гг.: *«В эту игру мы играли во дворе, когда мне было 10-11 лет. На веревку надевали кольцо, концы веревки связывали вместе. Играющие становились в круг, а ведущий в центре круга, играющие брались обеими руками за веревку. У одного из играющих подладоной находилось кольцо. Играющие не должны были дать ведущему угадать под какой именно рукой оно спрятано. Для того чтобы ведущий не угадал, играющие делали множество обманных движений рукой. Ведущий должен был заметить, под какой рукой находится кольцо и ударить по ней. Он должен был это сделать до того, как оно окажется где-то в другом месте. Если он успевал сделать это, то ведущий менялся местами с тем играющим, кто не успел передать кольцо дальше. Если ведущий обнаруживал кольцо между двумя людьми, то в круг шел тот, кто не успел спрятать кольцо» [192-193].*

Примечательно, что в исследуемом словаре С.Б. Борисова указано также названий игр неизвестного содержания: «Али-Баба» [Борисов 2008, 10], «Американка» - мальчишеская игра [Борисов 2008, 16], «Белочки-собачки» – подвижная игра [Борисов 2008, 35], «Вечный коридор» – игра 1920-х – 1930-х гг. [Борисов 2008, 61], «Жила-была царевна» – игра для детей младшего школьного возраста [Борисов 2008, 137], «Круговая верёвочка» – игра 1920-х – 1930-х гг. [Борисов 2008, 228], «Соловей-разбойник» [Борисов 2008, 533], «Шен шинуаз» – игра неизвестного содержания перв. трети XX века [Борисов 2008, 648], «ЯША дурачок» [Борисов 2008, 681].

Также примечательно, что известная многим игра «Казачи-разбойники» упомянута 18 раз в словаре, но отдельной словарной статьи об этой игре нет.

Таким образом, рассмотрение социокультурных особенностей репрезентации символов Советского детства в энциклопедическом словаре русского детства С.Б.Борисова выявило тот факт, что часть самодельных игрушек и подвижных игр перешли из периода русского детства эпохи Российской империи в Советскую эпоху, при этом содержательная часть ряда детских игр утрачена последующими поколениями.

Анализ архитектоники рассмотренных словарных статей, описывающих популярные самодельные игрушки и сохранившиеся подвижные игры, выявил основные принципы построения лексикографической социокультурной модели «Советское

детство», её сегмента «детские игры и игрушки», а именно (1) наличие хронемы-историзма в словарной статье, (2) наличие проксеми-топонима, (3) детальное описание-инструкцию по изготовлению и применению игрушки или организации игры.

Литература

1. Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Становление лексикографии в отечественном языкознании // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 16. – № 2. – 2014. – С. 166-171.
2. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Р.н/Д.: 2010.
3. Разливанова И.С. Роль словарей и энциклопедий в межкультурной коммуникации // Молодой ученый. – 2009. – №11. – С. 188-193. – URL <https://moluch.ru/archive/11/844/> (дата обращения: 15.04.2018).
4. Сидоренко А.В. Язык советского детства. – М., Берлин: Директ-Медия, 2016. – 166 с.
5. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265-304.

Лексикографические источники

6. Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства: В двух томах. Том 1. А-Н. – Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 2008. – 518 с.
7. Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства: В двух томах. Том 2. О-Я. – Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 2008. – 520 с.

References

1. Dubovskij Ju.A., Zagraevskaja T.B. Stanovlenie leksikografii v otechestvennom jazykoznanii // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – Т. 16. – № 2. – 2014. – С. 166-171.
2. Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. – R.n/D.: 2010.
3. Razlivanova I.S. Rol' slovarej i jenciklopedij v mezhkul'turnoj kommunikacii // Molodoj uchenyj. – 2009. – №11. – С. 188-193. – URL <https://moluch.ru/archive/11/844/> (data obrashhenija: 15.04.2018).
4. Sidorenko A.V. Jazyk sovetskogo detstva. – М., Berlin: Direkt-Medija, 2016. – 166 s.
5. Shherba L.V. Opyt obshhej teorii leksikografii / Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. – L.: Nauka, 1974. – S. 265-304.

Lexicographical sources

6. Borisov S.B. Jenciklopedicheskij slovar' russkogo detstva: V dvuh tomah. Tom 1. A-N. – Shadrinsk: Izdatel'stvo Shadrinskogo pedinstituta, 2008. – 518 s.
7. Borisov S.B. Jenciklopedicheskij slovar' russkogo detstva: V dvuh tomah. Tom 2. O-Ja. – Shadrinsk: Izdatel'stvo Shadrinskogo pedinstituta, 2008. – 520 s.

УДК 81'1

АНТОЛОГИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Харченко Вера Константиновна

доктор филол. наук, профессор кафедры
русского языка и русской литературы
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация

Каждый том пятитомника содержит теоретические сведения общего характера, а в качестве основного массива – лично собранные автором записи разговорных реплик, систематизированные по аспектам исследования и прокомментированные в плане перспектив изучения того или иного блока. В общей сложности представлено свыше 8000 высказываний, разбитых по 58 рубрикам, а также 110 спонтанных монологов. Так, первый том включает в себя рубрики: аграмматизм, антоним и антитеза, архаизм и историзм, бинном, гендиадис, гипербола, градация, диалектизм и городское просторечие, диминутив, дисфемизм, жаргонизм, звукоподражание, интенсив, ирония, каламбур, комплимент, компрессия, контаминация, креация. Представленные материалы можно использовать при написании статей и монографий, при подготовке курсовых работ, магистерских, кандидатских и докторских диссертаций.

Ключевые слова: разговорный дискурс, акусматический, спонтанный, сентенции, реплика.

ANTHOLOGY OF COLLOQUIAL SPEECH AS LEXICOGRAPHIC PROJECT

Kharchenko, Vera Konstantinovna

Doctor of Philology, Professor
Department of Russian language and Russian literature
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / wera_kharchenko@mail.ru